

П. ГОФМАН

## К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СВЕДЕНИЙ О РАДИЩЕВЕ В ГЕРМАНИИ

(Лейпцигский книгопродавец Лео)

Исследователи Радищева уже давно обратили внимание на одно замечание о книге Г. А. В. Гельбига «Russische Günstlinge» (1803). Гельбиг писал, что «Эндорский оракул» содержит много мест, являющихся выдержками из книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Еще и сейчас нельзя с уверенностью сказать, как следует расценивать это сообщение, так как до сих пор ни один исследователь не держал в руках упомянутое Гельбигом издание в полном его виде. Георг Заке сумел познакомиться только с первым томом этого альманаха, причем установил, что там встречаются лишь довольно отдаленные отзвуки радищевского произведения, но никаких переводов, даже в извлечениях, нет. Об «Эндорском оракуле» известно только, что он появился в 1794—1795 годах в Лейпциге у издателя Лео.<sup>1</sup> В подобных обстоятельствах даже самые маловажные указания, проливающие свет на этого лейпцигского книгопродавца, приобретают известное значение.

Во время своих разысканий в Лейпцигском архиве, связанных с исследованием лейпцигского периода жизни Радищева, я попытался собрать хоть какие-нибудь сведения о Лео и издании «Эндорского оракула». В Лейпцигском городском архиве я наткнулся на связку документов с надписью «Дело о сочинении, напечатанном в нынешнем году в Париже у Пужан под заглавием „Секретные мемуары о России“, тт. I—II, и о запре-

---

<sup>1</sup> Ср.: П. Н. Берков. Материалы для биографии А. Н. Радищева. Сб. «Радищев», Л., 1950, стр. 226, прим. 4.

щении продавать, со всем сюда относящимся, 1800 года».<sup>2</sup> «Секретные мемуары», автором которых являлся Ш.-Ф.-Ф. Массон, известны в литературе о Радищеве как одно из самых ранних в Западной Европе свидетельств о судьбе Радищева.<sup>3</sup>

«Дело» начинается письмом из Дрездена в Лейпцигскую книжную комиссию, датированным 5 мая 1800 года: «В нынешнем году появилось сочинение под названием: „Секретные мемуары...“, разрешение на продажу которого в наших землях является предосудительным: посему мы желаем, чтобы вы благоволили во время происходящей сейчас Лейпцигской ярмарки немедленно запретить продажу этой книги, как на ярмарке, так и за ее пределами, под страхом штрафа в 100 рейхсталеров, а также, опечатав имеющиеся экземпляры и приняв необходимые меры предосторожности для пресечения их сбыта внутри страны, отправили их за границу».<sup>4</sup>

Далее следует постановление о том, что запрет распространяется и на возможные переводы означенного сочинения. Однако у лейпцигских книгопродавцев книга не была обнаружена. Так, книжный инспектор доносил в Дрезден, что он «только довел до сведения владельцев (книжных лавок, — П. Г.) содержание полученного приказа, насколько это было необходимо».<sup>5</sup>

Кто именно обратил внимание саксонского правительства на произведение Массона, по лейпцигским актам установить нельзя. Документы же Дрезденской оберконсистории, в подчинении которой находилось, между прочим, и книжное дело, были уничтожены во время второй мировой войны. Естественно возникает предположение, не было ли это запрещение инспирировано правительством Павла I. Ответ на этот вопрос следует искать в советских архивах, в которых могут храниться документы, связанные с деятельностью русского посольства в Дрездене. Через 4 дня после запрещения, 9 мая 1800 года, последовало новое предписание из Дрездена. В нем указывалось, что сочинение Сальдерна о Петре III<sup>6</sup> является переводом «Секрет-

<sup>2</sup> Лейпцигский городской архив, XLVI, № 71. (В дальнейшем цитируется: Акты).

<sup>3</sup> О Массоне и его книге см.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II. СПб., т. 12, ч. 2, стр. 66—70, 86—87 (№ 841, 859 и т. д.). (В дальнейшем цитируется: В. А. Бильбасов). Следует исправить год выхода III тома. Бильбасов перевел «Год X» французского революционного календаря как 1802 год. В действительности это должен быть 1801 год (год X продолжался с 23 сентября 1801 года по 22 сентября 1802 года).

<sup>4</sup> Акты, л. 1.

<sup>5</sup> Там же, л. 11.

<sup>6</sup> О Сальдерне см.: В. А. Бильбасов, стр. 82—84. Указание на стр. 71, что год немецкого издания неверен, не обосновано.

ных мемуаров» и вследствие этого также запрещается. Какой-то книгопродавец из Франкфурта на Майне указал, что основание для запрещения неверно. Тогда запрет с книги Сальдерна был снят, чем и закончилась первая часть дела. Год спустя, 6 ноября 1801 года, «в 11 часов пополудни», как сказано в пометке на акте, русский консул в Лейпциге Иоганн Шварц лично подал «всеподданнейшую промеморию» следующего содержания: «Нижеподписавшийся здешний российский консул имеет честь указать достопочтенной книжной комиссии, что как ему стало известно, вышла из печати третья часть „Секретных мемуаров о России“, равно как и немецкий перевод ее под заглавием „Geheime Nachrichten über Russland“ и была послана здешнему книгопродавцу Лео для рассмотрения. Так как обе первые части этой книги были по высочайшему повелению запрещены и конфискованы, а мне известно, что вновь появившаяся третья часть содержит такие же поношения и измышления, то я выражаю надежду, что достопочтенная книжная комиссия примет необходимые меры, дабы воспрепятствовать распространению этой третьей части».<sup>7</sup>

Книжный инспектор снова был отправлен на поиски. Из дальнейших записей выясняется следующее. Книгопродавец Фридрих Август Лео получил из книготорговли Декера в Базеле три тюка, в которых находилось 37 меньших пакетов для иностранных книготорговцев. Лео передал эти пакеты соответствующим комиссионерам в Лейпциге. На прямой запрос Лео ответил, что «о содержимом пакетов и о том, что в них находится упомянутая 3-я часть мемуаров, он узнал только после их распределения от книгопродавца г-на Грэфа».<sup>8</sup> Далее Лео передал список книгопродавцев, которым были адресованы пакеты.<sup>9</sup>

Этот список очень показателен как документ, характеризующий значение лейпцигской комиссионной книготорговли в конце XVIII века. Здесь перечислены почти все крупнейшие немецкие города от Франкфурта на Майне на западе до Бреславля, Кенигсберга, Мемеля — на востоке, Гамбурга, Бремена и Любека — на севере. Кроме того, здесь указываются Копенгаген, Прага, Вена и Будапешт. Всего было конфисковано еще 285 французских и 234 немецких экземпляра. Если вспомнить, что это не составляло и половины всех экземпляров, доставленных в Лейпциг, и принять во внимание, что в XVIII веке тиражи вообще были низкими, то это еще раз подчеркивает значение Лейпцига как центра европейской книжной торговли.

<sup>7</sup> Акты, л. 26.

<sup>8</sup> Там же, л. 26 об.

<sup>9</sup> Там же, л. 28.

Книжная комиссия на нескольких допросах пыталась найти хоть какую-нибудь вину Лео. Но ему удалось доказать несостоятельность всех обвинений. Лео сказал, что если бы русский консул сообщил ему, что в полученных тюках «находится нечто предосудительное», то он вместе с Графом собрал бы пакеты снова, чтобы передать их в книжную комиссию. Однако русский консул опередил его своим заявлением. Кроме того, третья часть «Секретных мемуаров» в то время не была на самом деле запрещена. Таким образом, он, Лео, не может признать себя виновным.<sup>10</sup>

В конце концов Лео обязали запаковать под наблюдением комиссии имевшиеся в наличии пакеты и отправить их обратно в Базель; при этом даже был предписан маршрут — через Нюренберг.<sup>11</sup> Это означает, что «он должен в Нюренберге засвидетельствовать высылку книг из саксонских владений и приобщить к делу это свидетельство». Однако в лейпцигских документах такое удостоверение не найдено. 1 февраля 1802 года конфискованные книги были под должным наблюдением запакованы и отправлены обратно. Протоколом об этом факте заканчивается дело.<sup>12</sup>

Из этих материалов, как ни незначительны они, явствует, однако, что книгопродавец Лео заслуживает нашего внимания. Он принадлежал к тем книгопродавцам, которые во всяком случае были близки к демократическим, передовым, может быть, даже к революционным кругам. Он издал в 1794—1795 годах сочинение, которое по тенденции частично перекликается с радищевским «Путешествием», и способствовал сбыту книги Массона, во втором томе которой сообщалось о судьбе Радищева.

<sup>10</sup> Там же, л. 30.

<sup>11</sup> Там же, л. 38. Такая практика была обычна в Лейпциге и давала его книжной ярмарке преимущество перед ярмарками в других городах. Иностраный книгопродавец в Лейпциге, даже если он привозил запрещенные в Саксонии книги, не подвергался опасности потерять свое имущество в результате конфискации.

<sup>12</sup> Там же, л. 38 об.